

ЛОЛИТА ЛАНСКАЯ

Развожусь!

ЗАБИРАЙ
СВОЮ МАЛОЛЕТКУ

18+

Лолита Ланская

Развожусь! Забирай свою малолетку

<https://litres.ru/74620414>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера сама привела Киру в свой дом. Дала ей работу, помогла встать на ноги, выслушивала жалобы на несчастную любовь. А потом узнала: мужчина, от которого Кира беременна, — её собственный муж.

Олег не собирается уходить. Свекровь требует «проявить мудрость». Все уверены, что Вера пошумит, успокоится и вернётся — ведь за шестнадцать лет она привыкла спасать семью, бизнес и чужую репутацию.

Но на годовщине Вера снимает кольцо и произносит:

— Развожусь! Забирай свою малолетку.

Только уйти из дома проще, чем вырваться из жизни, где её труд годами присваивали, деньги контролировали, а право на боль считали истерикой. Чтобы начать заново, Вере придётся вернуть себе имя, профессию, дочь — и рискнуть поверить мужчине, которого она меньше всего готова впустить.

Брату женщины, разрушившей её брак.

Содержание

Глава 1. Гостевая комната	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Развожусь! Забирай свою малолетку

Глава 1. Гостевая комната

– Это Вера, моя жена. Она отвечает за всё, благодаря чему гости хотят вернуться, – начал Олег и, заметив удивление на лице мужчины напротив, с привычной усмешкой упростил: – В общем, создаёт уют.

Его ладонь легла мне на спину – легко, почти ласково. Со стороны мы, наверное, выглядели той самой парой, о которой любили писать в отраслевых журналах: начинали с маленькой гостиницы у трассы, пережили кредиты и ремонты, разбогатели и не развелись. Мужчина в дорогом сером костюме улыбнулся мне, похвалил интерьер холла и уже через секунду повернулся к Олегу, чтобы спросить о втором корпусе.

Я не стала поправлять мужа. На телефоне мигало сообщение управляющей: поставщик снова привёз в ресторан высокие вазы, хотя в спецификации была указана максимальная высота двадцать сантиметров. Красивые, дорогие и совершенно непригодные для завтрака: люди должны разговаривать, а не выглядывать из-за сухих веток.

Пока Олег обсуждал инвестиции, я отправила отказ, по-

просила составить акт и заметила, что кресло возле панорамного окна опять сдвинули к проходу. Теперь горничная с тележкой не могла проехать, не задев край ковра, а сидящий в кресле гость оказывался спиной к входу.

– Вер, мы поднимемся в кабинет. Ты с нами? – Олег уже сделал шаг к лифтам, но остановился, ожидая ответа.

– Нет, я закончу здесь. В двести четвёртом жалуются на вентиляцию, в ресторан привезли не те вазы, а кресло опять поставили так, будто чемоданы у гостей научились проходить сквозь мебель.

Олег посмотрел на кресло, потом на меня. В уголках его глаз обозначились морщинки, которые мне всегда нравились, когда он смеялся искренне.

– Можно подумать, завтра сюда приезжает английский король.

– Хуже. Завтра приезжает твоя мама.

Мужчина в сером костюме вежливо усмехнулся. Олег наклонился, быстро коснулся губами моего виска и пошёл к лифтам, продолжая разговор о финансировании второго корпуса. Я проводила его взглядом, а затем подошла к креслу.

Молодой администратор сразу выскочил из-за стойки.

– Вера Андреевна, давайте я помогу. Куда поставить?

– До края ковра. А потом пройдите между креслом и диваном так, будто у вас в руке чемодан, а за спиной ребёнок, который смотрит куда угодно, кроме пола.

Парень послушно прошёл, вернулся и виновато улыбнулся.

– Теперь понял. Больше двигать не будем.

– Двигать можно. Главное – сначала понимать зачем.

Из таких мелочей и складывалось то, что Олег называл уютom. Из света, который не бил в глаза за завтраком. Из розетки возле кровати, до которой можно дотянуться, не вставая. Из администратора, помнившего, что пожилой женщине тяжело подниматься по лестнице, а ребёнок в двести двенадцатом боится темноты.

Я называла это работой.

Через сорок минут вопрос с вазами был решён, вентиляцию проверили, а управляющая получила список того, что нужно исправить до утра. Я забрала из служебной комнаты туфли, оставшиеся после открытия, и коробку с образцами дверных ручек. Уже садилась в машину, когда позвонил Олег.

– Ты ещё на парковке? Подожди меня. Поедем вместе.

Он появился через двенадцать минут, на ходу печатая сообщение. Галстук был ослаблен, верхняя пуговица рубашки расстёгнута. Сев рядом, муж сразу откинул голову на подголовник и закрыл глаза.

– Я больше никого сегодня не хочу видеть.

– Завтра тоже никаких разговоров о работе. Хотя бы до обеда, – предупредила я, выезжая с парковки.

Олег приоткрыл один глаз и посмотрел на меня с притвор-

ным недоверием.

– Это говорит женщина, которая на прошлой годовщине полчаса рассказывала мне, почему полотенца в прачечной пахнут сыростью?

– Они пахли сыростью. Если бы ты сразу вызвал мастера, разговор занял бы десять минут.

– Романтический ужин, свечи, тост за любовь и подробный отчёт о вентиляции. Я всё помню.

Он рассмеялся и положил ладонь мне на колено. Большой палец медленно погладил ткань брюк, и я на секунду накрыла его руку своей.

На следующий день исполнялось шестнадцать лет со дня нашей свадьбы.

Первую годовщину мы отметили на кухне маленькой гостиной, которую открыли почти без денег и совершенно без опыта. Я застелила разделочный стол белой салфеткой, Олег принёс бутылку вина. Одинаковых бокалов не нашлось: он пил из высокого хрустального, а мне достался толстый зелёный, с мутным пузырьком в стекле. Потом отключился свет, и мы доели торт при аварийном фонаре. Тот вечер я помнила лучше всех дорогих ресторанов, в которые муж водил меня позже.

Телефон Олега завибрировал. Он взглянул на экран и сразу перевернул аппарат дисплеем вниз.

– По работе? – спросила я.

– Да. Ничего срочного.

- Можешь ответить. Запрет вступает в силу только завтра.
- Обойдутся.

На его лице мелькнуло раздражение, но исчезло раньше, чем я успела подумать, кому оно предназначалось. Я снова накрыла ладонью его руку.

- Значит, завтра у меня будет муж без телефона?

– Не наглей. Муж без телефона стоит намного дороже обычного.

- У нас годовщина. Я имею право на премиальную комплектацию.

Он улыбнулся и несколько секунд смотрел на меня. Когда-то от такого взгляда сердце билось быстрее. Теперь он вызывал спокойное, почти домашнее тепло. Мне казалось, это и есть настоящая любовь после шестнадцати лет: не вспышка и не безумие, а уверенность, что человек останется рядом, даже если вы оба слишком устали разговаривать.

Дома нас встретила Соня. Она стояла в прихожей с учебником под мышкой, одним носком на ноге и вторым в руке.

- Мам, ты видела моё сообщение про Машу? Я спрашивала, можно ли завтра после репетиции остаться у неё с ночёвкой.

- Завтра у нас гости.

Соня шумно выдохнула и закатила глаза. В четырнадцать лет она умела одним движением лица показать, насколько безнадёжно отстали от жизни родители.

- У вас годовщина. Я-то тут при чём?

– Ты, между прочим, одно из самых заметных последствий нашего брака, – заметил Олег и притянул дочь к себе.

– Пап, перестань, ты мне волосы испортишь.

Она ворчала, но от объятия не уклонилась. Я разрешила ночёвку при условии, что Машина мама напишет лично и Соня соберёт вещи заранее. Дочь просияла и убежала наверх, уронив по дороге второй носок.

Олег поднял его с пола, повертел в руке и положил на тумбу.

– Как думаешь, она когда-нибудь научится доносить вещи до комнаты?

– Примерно тогда же, когда ты начнёшь класть ключи на место.

Он сделал оскорблённое лицо, но спорить не стал и ушёл в кабинет. Я направилась на кухню, открыла холодильник и проверила, всё ли готово к завтрашнему вечеру. Помощница оставила ужин в стеклянных контейнерах, десерт нужно было только украсить ягодами. Я освободила полку для торта, пересчитала бокалы и уже собиралась достать скатерть, когда зазвонил телефон.

На экране высветилось имя Киры.

– Да, Кир?

В ответ я слышала только тяжёлое дыхание и шум улицы.

– Вера... вы дома? – спросила она наконец. Голос был хриплым, словно она долго плакала.

Я поставила бокал на стол.

– Дома. Что случилось?

Кира всхлипнула, но попыталась взять себя в руки.

– Мы поссорились. Я вышла из квартиры и теперь не могу вернуться. Он тоже ушёл, но я всё равно не могу там находиться. Мне страшно оставаться одной.

– Он тебя ударил?

– Нет, нет. Ничего такого. Просто наговорил... и я тоже. Вера, я не хочу сейчас быть одна.

Кира уже звонила мне из-за этого мужчины. Обычно после таких разговоров приходила на работу с распухшими веками, роняла папки и каждые десять минут проверяла телефон. Потом он писал, они мирились, и на её лице появлялось такое счастье, будто ничего до этого не происходило. Имени мужчины она не называла. Я решила, что он женат или намного старше и ей неловко признаться, но не настаивала.

– Где ты сейчас?

– В кофейне возле дома. Они скоро закрываются.

– Пришли адрес. Я заеду.

На том конце стало тихо.

– У вас же завтра годовщина. И Олег Сергеевич, наверное, будет против.

Вопрос показался странным, но я списала это на её растерянность.

– Олег переживёт одну ночь с дополнительным человеком за завтраком. Присылай адрес.

Я взяла ключи и заглянула в кабинет. Муж сидел за сто-

лом, просматривая документы. Увидев меня, он быстро перевернул телефон экраном вниз.

– Я за Кирой. Она поссорилась со своим мужчиной и боится возвращаться домой. Пусть переночует у нас.

Олег несколько секунд смотрел на ключи в моей руке. В лице мелькнуло раздражение, которое он сразу спрятал.

– Вер, завтра полный дом людей. Может, ей лучше снять гостиницу?

– Она плачет и просит не оставлять одну.

– У тебя и без неё хватает дел. Ты опять начнёшь спасать, разбираться, жить чужой жизнью.

– Я дам ей кровать и ужин. Это не спасательная операция. Разогрей себе еду сам, буду через час.

Я уже повернулась к двери, когда он добавил:

– Только не вмешивайся слишком глубоко. У Киры всегда всё сложнее, чем есть на самом деле.

Я обернулась.

– Ты откуда знаешь?

Олег едва заметно замер, потом пожал плечами и снова открыл ноутбук.

– Ты сама рассказывала.

Наверное, рассказывала. За полтора года Кира стала не только моей помощницей, но почти младшей родственницей, которую хотелось научить всему, чего когда-то не знала я сама.

Она ждала под козырьком кофейни с небольшой дорож-

ной сумкой. Светлые волосы промокли и прилипли к щекам, под глазами размазалась тушь. Заметив машину, Кира оглянулась, будто проверяя, не следит ли кто-нибудь, затем поспешно села рядом.

– Спасибо, – прошептала она, не сразу попав замком ремня в защёлку.

Я протянула салфетки.

– Вытри лицо и скажи честно: тебе ничего не угрожает?

– Нет. Он не опасный. Просто иногда бывает жестоким словами.

– Это тоже не пустяк.

Полтора года назад её старший брат Максим попросил взять Киру помощницей. Он занимался реставрацией на одном из наших объектов и прежде ни о чём личном не просил. «Дайте ей нормальную работу, – сказал тогда. – Она соображает. Просто пока не понимает, куда себя деть».

На второй день Кира переделала таблицу поставок так, что я перестала тратить на неё по часу каждое утро. Потом появились вопросы не о работе: что надеть на деловой ужин, как отказаться от свидания, нормально ли, что мужчина читает сообщения и не отвечает два дня. Весной ей исполнилось двадцать три. Я подарила сумку, возле которой она каждый раз замедляла шаг, когда мы проходили мимо витрины.

– Он опять передумал, – сказала Кира, разрывая салфетку на узкие полосы. – Мы давно договорились, что всё изменится. Он обещал, а сегодня снова сказал, что момент неподхо-

дящий, что нельзя всё разрушать одним движением.

– Вы собирались жить вместе?

Она отвернулась к окну. В стекле отражалось бледное лицо.

– Он говорил, что разберётся со своей жизнью. Теперь считает, что я слишком давя и ему и так тяжело.

– Когда мужчина действительно собирается что-то изменить, он обычно может назвать срок. Не «потом», а конкретно.

– Он не может.

– Или не хочет.

Кира резко повернулась. Глаза покраснели, губы дрогнули.

– А если я его люблю? Разве любовь ничего не меняет?

– Меняет. Но не делает чужую ложь правдой. Сегодня ты поспишь, поешь, а завтра решишь, подходит тебе такая любовь или нет.

Олег встретил нас в прихожей. Он успел переодеться в домашние брюки и тёмную футболку. Увидев Киру, улыбнулся, но улыбка получилась напряжённой. Взгляд быстро скользнул по её лицу, сумке и мокрым волосам.

– Здравствуй, – сказал он.

– Здравствуйте, Олег Сергеевич.

Кира опустила глаза и стала ещё бледнее. Я решила, что ей неловко появляться перед хозяином дома заплаканной.

– Проходи. Олег, принеси воды, пожалуйста.

Гостевая спальня находилась на первом этаже, окнами в сад. Я включила тёплый свет, задёрнула шторы и поставила сумку возле шкафа. Комната была готова к приезду родственников: свежее бельё, полотенца, маленький букет сухоцветов на комоде.

– Ты сегодня ела?

Кира села на край кровати и разгладила ладонями юбку.

– Не хочу.

– Я не спросила, хочешь ли. Я спросила, ела ли ты.

Она виновато улыбнулась.

– Кажется, утром.

Я принесла тосты, сыр и нарезанное яблоко. Блузка под её кардиганом тоже промокла, поэтому я поднялась к себе и достала светло-серый халат – длинный, мягкий, с широким поясом. Я любила пить в нём утренний кофе на террасе.

– Он будет тебе велик, зато сухой.

Кира провела пальцами по ткани. В её лице появилось странное выражение – смесь восторга и боли.

– У вас всё красивое, Вера. Дом, вещи... всё настоящее.

– Настоящие дома тоже состоят из счетов, сломанных крапов и вещей, которые кто-то бросает не на место.

– Всё равно. У вас с Олегом Сергеевичем получилось.

Она ушла в ванную. Я заменила высокую подушку на низкую, потому что помнила: в командировках у Киры болит шея. Когда дверь открылась, она вышла в моём халате. Рукава закрывали половину ладоней, пояс был затянут слиш-

ком туго.

– Вера, можно спросить? – Кира села на кровать, но к еде не притронулась. – А вы бы простили Олегу, если бы он не сказал вам сразу что-то важное? Если бы солгал, потому что боялся потерять вас или не знал, как правильно признаться?

Вопрос прозвучал неожиданно. Я поставила стакан на тумбочку и внимательно посмотрела на неё.

– Я не умею прощать заранее. Сначала нужно услышать правду, понять, почему человек солгал, и только потом решать, можно ли с этим жить.

– А если правда всё разрушит?

– Тогда, возможно, разрушать начала не правда.

Кира вздрогнула и отвернулась. Я решила, что попала в болезненное место, и мягче добавила:

– Ты не обязана сегодня всё рассказывать. Но защищать человека, который заставляет тебя прятаться и плакать, тоже не обязана.

– Вы с Олегом так давно вместе, – прошептала она.

– Завтра шестнадцать лет.

– Я знаю.

Последние слова прозвучали почти неслышно. Кира накрыла мою ладонь холодными пальцами.

– Вы очень хорошая.

Мне стало неловко.

– Я просто принесла халат и еду. Не делай из меня святую. Наверху я заглянула к Соне. Она уже лежала в постели

и попросила разбудить её в семь десять, потому что на собственный будильник всё равно ответит и снова заснёт. Я поцеловала дочь, прикрыла дверь и вернулась в спальню.

Олег сидел на краю кровати и снимал часы. Я повесила на дверцу шкафа синее платье для завтрашнего вечера. Муж посмотрел на него и приподнял брови.

– Это наденешь?

– Не нравится?

– Наоборот. Мама опять скажет, что замужняя женщина могла бы одеваться скромнее.

– Тогда точно надену.

Он улыбнулся, но взгляд почти сразу ушёл к телефону на тумбочке. Я смыла косметику, легла рядом и перевернула свой аппарат экраном вниз.

– Всё. До послезавтра меня нет.

Олег притянул меня к себе. Я положила голову ему на плечо. От футболки пахло нашим стиральным порошком и одеколоном. На шве у горловины торчала нитка; я намотала её на палец, но не стала обрывать.

– Помнишь зелёный бокал? – спросила я.

– Какой?

– В нашу первую годовщину. Толстый, неудобный. Помому, он до сих пор стоит в старой гостинице. Надо забрать.

На лице мужа появилась короткая растерянность, затем он улыбнулся.

– Конечно помню. Заберём.

Внизу что-то негромко стукнуло. Наверное, Кира поставила стакан или задела дверцу шкафа.

– Бедная девочка, – пробормотала я. – Так убиваться из-за мужчины.

Рука Олега на моём плече замерла всего на мгновение.

– Утром успокоится.

Я уснула с мыслью, что не стану будить Киру к завтраку. Пусть выспится. Потом мы спокойно поговорим, и я найду способ объяснить ей: любовь не должна делать человека таким несчастным.

Проснулась от холода.

Одеяло сбилось к краю. Я протянула руку вправо и нащупала пустую простыню. На часах было тринадцать. В ванной не горел свет, дверь в коридор оставалась приоткрытой, хотя на ночь мы обычно её закрывали.

Наверное, Олег проголодался и спустился на кухню. Мне тоже захотелось пить. Я надела кардиган поверх ночной сорочки и вышла. Из-под Сониной двери свет не пробивался. На кухне было темно, в кабинете тоже.

Тонкая полоска света лежала на полу в конце коридора.

Дверь гостевой комнаты была приоткрыта.

– Я больше так не могу, – сказала Кира. В её голосе не было сонного испуга; звучала усталая обида человека, который повторяет одни и те же слова не впервые. – Ты каждый раз обещаешь, что нужно немного подождать, а потом всё начинается сначала.

– Сейчас не время, – ответил Олег.

Я узнала его голос сразу. Тихий, раздражённый, почти деловой. Так он говорил с подрядчиками, когда те требовали изменить условия договора.

Первым я увидела поднос. Тосты остались нетронутыми, яблочные дольки потемнели. Потом – Киру. Она сидела на кровати в моём халате, волосы рассыпались по плечам.

Олег стоял перед ней на коленях.

Он обнимал её за талию, уткнувшись лицом в живот. Кира медленно перебирала пальцами его волосы на затылке – привычно, без страха и смущения.

Моя рука сама легла на дверной косяк.

– Ты обещал, что скажешь ей после праздника, – произнесла Кира. Губы дрогнули, но в голосе было больше требования, чем слёз. – Я больше не хочу прятаться. Нас теперь двое.

Олег крепче прижал её к себе.

– Я всё решу.

– Когда? После годовщины? После следующего открытия? После того, как она опять сделает для тебя всё?

Он поднял голову.

– Не начинай.

Кира положила ладонь на живот.

– Срок почти три месяца, Олег. Я не могу ещё полгода жить так, будто меня нет.

Он прижался лбом к её животу. На безымянном пальце

блеснуло обручальное кольцо. В свете лампы была видна маленькая царапина – память о ремонте первой гостиницы.

Я смотрела на неё и почему-то думала о зелёном бокале.

Кира первой заметила меня. Глаза распахнулись, пальцы замерли в волосах моего мужа. Лицо побелело, но она не оттолкнула его и не попыталась запахнуть халат.

Олег почувствовал, как она напряглась, и медленно повернул голову.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга. Я держалась за косяк так сильно, что заболели суставы. Муж не поднялся, не бросился ко мне и не спросил, давно ли я стою в дверях. Он только нахмурился, словно я появилась не вовремя и создала новую проблему.

– Только тихо, – сказал Олег, бросив взгляд в сторону лестницы. – Дочь разбудишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.